

В былые времена Чи Чэн уже давно сбил бы наглеца с ног, преподав урок хороших манер. Но сегодня, памятуя о том, что тот всё же притормозил машину, он решил проявить милосердие.

Проводив взглядом отъезжающий автомобиль Лэ Хао, Чи Чэн растянул губы в злой ухмылке. Стоило ему повернуться к бизнес-фургону, как в глубине его глаз вспыхнуло нескрываемое, мрачное бешенство.

— Минута времени. Вылезай, — голос, низкий и хриплый, просочился сквозь сжатые зубы. Одной рукой Чи Чэн прикурил сигарету, выглядя при этом пугающе эффектно.

Как только телохранители Лэ Хао отступили, люди из оставшихся пяти машин в мгновение ока окружили Чи Чэна. На их лицах читался вызов — они явно ни во что его не ставили.

— Ты кто такой? Шибко дерзкий, а? Неужели думаешь, что в одиночку справишься с нами... а... твою же мать...

Главарь банды в черном, болтая, протянул руку, чтобы похлопать Чи Чэна по щеке. Не успел он толком вытянуть пальцы, как монтировка из руки Чи Чэна с оглушительным хрустом обрушилась на его предплечье. Мужчина рухнул на землю.

— Твою мать... Я всего три года не высывался, откуда вы, мелюзга, вообще повылезали? — едва закончив фразу, он с размаху пнул того, кто пытался подняться, впечатав его обратно в борт фургона.

От боли бедолага взвыл и тут же потерял сознание. Остальные замерли в шоке — никто не ожидал, что Чи Чэн начнет действовать так решительно.

Фургон качнулся. Опустилось окно переднего пассажирского сиденья:

— Чего встали? Живо за работу!

Чи Чэн проследил за звуком. В тусклом свете фонарей показалась половина лица мужчины с жеманными чертами, густо накрашенного и кривляющегося.

Желудок Чи Чэна скрутило от отвращения, его едва не вывернуло:

— Какая же мерзость. Ни то ни сё, недоразумение какое-то...

Услышав это, тот пришел в ярость:

— Вы что, оглохли? Если хоть волос упадет с головы нашего спонсора, не получите ни копейки!

Громилы наконец очнулись и с кулаками бросились на Чи Чэна.

Визг тормозов прорезал ночную тишину. Десятки роскошных авто вплотную перегородили дорогу, и Ганцзы, выскочив первым, с ходу взял ситуацию под контроль.

— Брат Чэн, что случилось? Слышал, за нами хвост увязался?

Толпа, только что наступавшая с такой агрессией, при виде десятков суровых парней, приведенных Ганцзы, попятилась назад, пока не уперлась спинами в бизнес-фургон.

Чи Чэн размял шею и бросил через плечо:

— Минута вышла. Выволакивайте этих из машины.

Цзян Сяошуай высунулся из окна своей машины и цокнул языком:

— Слишком кроваво, слишком жестоко...

Бросив окурок на землю, Го Чэньюй раздавил его ногой и рукой впихнул голову Сяошуая обратно в салон:

— Не для детских глаз.

Цзян Сяошуай попытался снова выглянуть, но Го Чэньюй схватил его за загривок и, притянувшись, поцеловал. Влажные, сплетенные губы, привкус хорошего табака — он отпустил его, лишь когда втолкнул обратно на пассажирское сиденье.

Сердце колотилось как бешеное. Оттолкнув его, Цзян Сяошуай прошипел:

— Ты опять курил.

Го Чэньюй, еще не успевший насладиться мягкостью губ, поспешно отстранился, оправдываясь перед супругом. Но тут на его плечо легла холодная ладонь, и он, повинувшись инстинкту, развернулся и нанес удар.

Чи Чэн перехватил его кулак:

— Чем это вы тут занимаетесь за моей спиной? — он был так погружен в свои мысли, что даже не заметил, как вернулся.

Холодный взгляд Чи Чэна мгновенно потеплел. Го Чэньюй посмотрел в сторону кортежа:

— Что там за дела?

Чи Чэн пошевелил челюстью и пожал плечами:

— Мелкий актер. Сказал, что ошибся машиной, принял мою за машину сопровождения.

— Ты в это поверил? — Цзян Сяошуай вышел из машины, его глаза округлились от недоверия.

Чи Чэн с усмешкой открыл водительскую дверь:

— Вы не верите, а я, по-вашему, поверю?

Го Чэньюй приобнял Цзян Сяошуая за плечи и сделал полшага назад:

— Не забудь оформить переоформление.

Машина бесшумно тронулась с места. Чи Чэн не проронил ни слова.

Цзян Сяошуай посмотрел на Ганцзы, который отчитывал задержанных, и спросил Го Чэньюя:

— Это совсем не в духе Чи Чэна. Разве он не должен был...

— И правда, не в его духе. Он просто беспокоится за Давэя, — обняв Сяошуая, Го Чэньюй направился к своей машине. Он вдруг осознал, что три года спокойной жизни сегодня дали первую трещину.

Вой полицейских сирен становился всё громче. Когда машина Го Чэньюя тронулась, мимо них, едва не задев, пронеслись патрульные авто. Ганцзы передал задержанных полиции и отправился в участок давать показания.

*

— Холодно... выключи кондиционер... — донеслось с заднего сиденья бормотание У Совэя. Он свернулся в клубок, словно испуганный котенок.

Сердце Чи Чэна сжалось. Он поспешно выключил кондиционер и отбросил прочь остатки ярости. словно почувствовав перемену, тело У Совэя расслабилось, и в салоне раздалось тихое сопение.

Чи Чэн наконец выдохнул, хотя в голове всё еще крутилось лицо Лэ Ци. Интуиция подсказывала: если позволить Давэю и дальше с ним общаться, добром это не кончится.

Чем больше он думал, тем сильнее раздражался. В итоге он позвонил помощнику У Совэя, чтобы прояснить детали контракта с господином Лэ, а затем поручил Ганцзы разузнать всё о семье Лэ, особенно о самом Лэ Ци.

Когда всё было сделано, машина уже остановилась у его дома. Поднявшись в квартиру, Чи Чэн одним махом стащил с У Совэя всю одежду. Он смочил полотенце и обтер его тело, отчего светлая кожа покрылась легким румянцем.

Чи Чэн не удержался и поцеловал сладко спящего парня, а затем прикусил тот самый красный след на его плече.

У Совэй глухо застонал и, поморщившись, пробормотал:

— Чи Чэн, чтоб тебя...

Чи Чэн тихо рассмеялся:

— Дабао, даже во сне не забываешь меня ругать? Как же ты на меня злишься! Впрочем, неважно... Мы с тобой завтра утром рассчитаемся.

У Совэй сморщил нос, что, видимо, должно было означать ответ.

В три часа ночи телефон Чи Чэна мигнул — пришло сообщение. Аппарат был в беззвучном режиме, так что он не разбудил спящих, лишь на мгновение ярко вспыхнул и снова погрузился в темноту.

*

На рассвете У Совэй проснулся от жары. Всё тело словно горело, и он с трудом оттолкнул от себя «печку», к которой прижимался. Под рукой ощутились твердые грудные мышцы, влажные от пота.

Он пощупал раз, другой. Что-то было не так.

Спросонья мозг не сразу сообразил, что к чему, и рука У Совэя потянулась ниже.

Раздался сдавленный стон, а за ним последовало хриплое предупреждение:

— Вэйвэй, води себя прилично, а не то я тебя сейчас оприходую.

У Совэй резко распахнул глаза, захлопал длинными ресницами, глядя на Чи Чэна, и его рот сработал быстрее мозга:

— Чи Чэн, ты опять спишь голым? Убери от меня свои руки!

— Какие еще руки? Ты что, не слышал поговорку: отпустишь — потеряешь? Я в этой жизни тебя ни за что не отпущу, — он с силой прижал У Совэя к себе и оставил утренний поцелуй на его лбу.

Задыхаясь от таких объятий, У Совэй больно укусил его за подбородок:

— Что бы ты ни говорил, всё бесполезно. Я, может, и наклюкался вчера, но не забыл, какую дрянь ты устроил утром. Раздельное проживание — это не шутки...

У Совэй не успел договорить, как у него над ухом раздался оглушительный скрежет зубов:

— У Совэй, я тебе что, слишком много воли дал? Если хоть раз еще заикнешься о раздельном проживании, хочешь проверить, сможешь ли ты потом целый месяц встать с кровати?

<http://bllate.org/book/19184/1883440>